

**Люсия Веденская**

**О ЧЕМ НЕ СКАЗАЛИ  
ГРАФИНЕ ИЗ КЛЫКАРДА**

УДК 82-312.9  
ББК 84-445  
В26

В26 **Веденская Л.**  
О чем не сказали графине из Клыккарда / Люсия Веденская – М.: Литнет,  
2026. – 220 с.

**ISBN 978-5-524-00568-7**

Когда ветеринара Асю Коваль вызвали на дом к подозрительно ручному волку, она еще шутила, что отличить собаку от хищника может с закрытыми глазами. Шутка быстро перестала быть смешной: очень скоро после укуса девушка потеряла сознание, а очнулась викторианской графиней.

Теперь она — Эллинора фон Клыккард, молодая аристократка с континентальными корнями и звучной фамилией, осевшая в глухом английском поместье. В новом теле и слишком «старом» времени Асе предстоит разобраться с особняком Мунхолл, предстоящей свадьбой по расчёту, управлением округом Клыккард и тремя подозрительно умными псами, у которых явно есть своё мнение о новой хозяйке.

А еще вокруг начинают всплывать слухи о необычных волках, исчезновениях людей и других странностях под светом луны.

Так появляется еще один вопрос: неужели оборотни все-таки существуют? Может, Асе стоило все-таки проверить, был ли тот волк привит?

\*\*\*

В тексте есть:

#попаданка-ветеринар и немного медицины

#поиск клада

#верность и преданность настоящей любви

#трое умнейших псов, а также огромная псарня и конюшня

#ХЭ

#удивительные превращения



Знак информационной продукции согласно  
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

**ISBN 978-5-524-00568-7**

© Литнет, 2026  
© Л. Веденская, 2026

## Пролог



— Анастасия Александровна, можно вас на минутку?

Я подняла голову от карточек. Катя, наш администратор с лицом ангела и даром тревожить, только когда действительно надо, стояла у двери и выглядела так, будто собиралась вручить мне премию или собственноручно отправить в самое пекло ада. И, насколько я знала, премии в ближайшее время не предвиделось.

– Только если не про чихуахуа с «травмой». Я уже объясняла, что это не перелом лапы, а просто хозяйке больше не стоит пытаться делать собаке декоративный маникюр.

– Нет, там срочный выезд. Очень важный клиент. Генеральный директор просит лично, – Катя понизила голос, как будто шептала о высших силах.

– Важный настолько, что собака сама позвонила?

– Почти. Крупный пес, возможно, перелом. Обездвижен, стонет. Хозяин просит ведущего хирурга. Указал, что был у вас на приеме, правда, лет пять назад. Запись действительно есть в базе, но вроде с другим питомцем.

Ну конечно, почему бы не вспомнить меня через полдесятилетия? Я, конечно, не рок-звезда, но, видимо, мои визиты тоже запоминаются надолго.

– Он сможет довезти животное в клинику?

– Нет. Пес слишком большой. Или слишком больной. Или и то и другое.

Я бросила взгляд на планшет: капельницы всем пациентам капают, кастрат-доберман дремлет, у кота с запором, наконец, появились перспективы облегчения без хирургического вмешательства.

– Ладно. Давай адрес и соберите аптечку. И сразу скажи, я не рентген на ножках, я просто ветеринар. Могу погладить, поставить обезболивающее и погрозить пальцем. Больше только при свете ламп в клинике и с достаточным уровнем кофеина в крови.

Через десять минут я уже сидела в машине, прокручивая в голове стандартный сценарий: испуганный хозяин, жалобно повизгивающий пес, а потом перелом оказывается ушибом, и все, включая собаку, стыдливо избегают зрительного контакта с врачом.

Двор, куда меня отправили, оказался как из рекламного ролика: мощеная дорожка, фонари в стиле «французский особняк с привидениями», стеклянные двери, сад и вольер с большой буквы. Не

в смысле клетка с сеткой-рабицей, а настоящий архитектурный объект с крышей, площадкой, лесенкой, деревом, тенью и даже, прости господи, видом на озеро. Я, кажется, видела гостиничные номера сильно скромнее.

– Это у вас собачка, да? – пробормотала я, открывая заднюю дверь машины. – Или все-таки барон-охотник в отставке?

Владелец стоял у калитки, встречая меня почти с поклоном. Высокий, под сорок с хвостиком, темноволосый, подтянутый, одним словом, реклама шампуня и дорогого одиночества. Только взгляд выдавал – не до флирта. Явно волновался, да еще как.

– Спасибо, что приехали, Анастасия Александровна. Простите, что вот так срочно. Но он с утра не поднимается. Лапу поджимает, дышит тяжело. А он обычно такой бодрый, – мужчина запнулся, словно опасался, что я заподозрю его в панике, хотя она и без того светилась предупреждающими знаками в каждом его движении.

Я кивнула и направилась к вольеру. Тот открылся с тихим щелчком, и тут же из глубины донесся низкий гортанный звук – не рычание, а больше похожее на хрип или стон.

– Как зовут пациента? – спросила я, присаживаясь рядом, нащупывая в сумке перчатки.

– Роул. Это... он у нас давно. С детства.

Роул. Красиво, загадочно. Идеальное имя для собаки, которая на самом деле – внезапно – волк.

Я замерла.

– Так, – медленно сказала я, – это ведь не маламут, да?

– Он крупный, да. Порода смешанная. Сибирские корни. Или северные. Ну, он у нас ручной, абсолютно.

«Конечно. Как и медведи в цирке», – огрызнулась я, но вслух решила ничего не говорить.

Роул лежал, вытянув передние лапы, и внимательно следил за мной желтыми глазами. Я, не теряя достоинства, аккуратно подошла, опустилась на колени сбоку. От волка шел жар, шерсть на груди

слегка взъерошена, дыхание было шумное, но ритмичное.

– Привет, красавец, – пробормотала я, протягивая руку в перчатке для знакомства. – Сейчас мы посмотрим, что с тобой. Без фокусов, ладно?

Он моргнул. Не рыкнул, не отпрянул, не попытался встать – просто моргнул. Я осторожно прощупала переднюю лапу. Сустав действительно чуть припух, но никакого перелома на ощупь не было. Возможно, вывих. А может – просто ушиб, который мог бы пройти и сам, но был раздут до размеров катастрофы из-за тревожной любви заботливого хозяина.

Я уже собиралась сказать это вслух, как вдруг – щелк.

Это произошло быстро, почти незаметно. Роул, казалось, даже не двинулся, просто резко повел мордой и прижал челюсти к моей руке. Не сильно, не до кости, но вполне отчетливо, до крови.

– Ах ты ж мать твою, – выдохнула я, отдергивая руку, которую волко-пес тут же отпустил.

Хозяин подскочил, как будто его током ударило.

– Он никогда! Простите! Я... – он растерянно выхватил из кармана ключи от машины, распахнул вторую дверцу в вольер и оказался рядом, ясно собираясь транспортировать меня в неотложку быстрее, чем я успела осмотреть укус.

Я подняла запястье к лицу. Отделалась парой проколов, несколькими каплями крови, чуточкой боли и щедрой порцией адреналина. Не самое страшное из того, что меня кусало за эти годы, но и не самое милое.

– Ничего. Просто дайте аптечку, – я вздохнула и поджала губы. – И, надеюсь, он привит?

Мужчина побледнел:

– Конечно! Конечно, он привит.

– Ну, тогда будем считать, мы оба просто понервничали. И пожелаем друг другу не бешенства.

Аптечка у них, как и вольер, была шикарная. Даже на стериль-

ных салфетках явно не экономили, и перекись хранилась в темной стеклянной бутылке с винтажной этикеткой, как будто я залезла в аптеку прошлого столетия. Словно волк укусил меня там и тогда, а не в Подмоскowie в двадцать первом веке.

– Не волнуйтесь, – сказала я, ловко промакивая укус. – Повезло, что проколы неглубокие. Сильнее повредилаcь моя гордость, чем кожа.

– Я... он правда так себя никогда не вел. Не знаю, что случилось, видимо, лапа все-таки мешает.

– Конечно, – кивнула я, отрывая пластырь зубами. – Да и многие мои пациенты в первый раз кусаются.

Бинт оказался чуть шире, чем надо, и я завернула его вокруг запястья ленивым витком, больше чтобы не заляпать куртку, чем по медицинской необходимости.

– С лапой все не так плохо, как может показаться. Ушиб, может быть, растяжение. Вы пока не волнуйтесь, просто следите. Легкая разминка суставов пару раз в день, по десять минут, без фанатизма. Если будет хромать через три дня – везите в клинику, сделаем КТ. И вот, – я достала из сумки блистер, – обезболивающее на ближайшие сутки-двое. Пища по расписанию, никаких изменений.

Он выслушал все это так внимательно, как будто я вручала ему рецепт на воскрешение.

– Спасибо. Огромное. А с рукой вы уверены, что все в порядке? Я вскинула брови:

– Поверьте, меня кусали за свою жизнь гораздо менее обаятельные создания.

Он рассмеялся, я нет, потому что боль все-таки начинала отдаваться пульсацией в пальцах, ну и потому что, кажется, с симпатичными заказчиками я закончила флиртовать еще в году эдак две тысячи девятнадцатом.

– Всего доброго, – сказала я, закидывая сумку в багажник. – И,

пожалуйста, проследите за прививками. Seriously.

— Конечно. Простите еще раз.

Я кивнула и села в машину. Пока заводила, мельком глянула в зеркало.

Роул все так же лежал в вольере, слегка приподняв голову, и смотрел в мою сторону. Не хищно, не испуганно, скорее осмысленно. Как будто он понял каждое слово, сказанное за последние пятнадцать минут. Меня передернуло или от взгляда волко-пса, или от того, как быстро солнце село за деревьями. Было всего пять вечера, а небо уже подернулось серым.

«Осень, — подумала я. — И, видимо, день, когда нельзя отпускать сарказм гулять в одиночестве, без него явно не справиться».

В клинике оставалось отдежурить всего пару часов. Я успела проконтролировать результаты операции у кошки с инородным предметом в желудке (она зачем-то съела колесо от заводной игрушки, но уже шла на поправку), прописать курс капельниц для бигля с больными почками и даже выпить чай — правой рукой, потому что левая теперь гордо носила модный белый манжет.

— Что, моду на бинты вводим? — усмехнулся один из терапевтов, заведя меня в ординаторской.

— Только эксклюзив. Ограниченная коллекция «волчьи зубки», — ответила я, делая глоток.

К девяти вечера я выехала домой. Было холодно, дорога оказалась пустой, а настроение — странным. Не тревожным, не слишком усталым, просто каким-то подвешенным.

«Наверное, просто хочется выгулять кого-нибудь близкого, — подумала я, — и чтобы он не кусался.

Жаль, что выгуливать было некого. Мой старенький алабай Трой умер полгода назад, и я до сих пор не собралась взять кого-то нового. Его вольер так и стоял нетронутым во дворе, будто ждал чего-то, на что я не могла решиться.

Дом встретил меня тишиной, поскрипыванием половиц и уютным

запахом чая с бергамотом, который я зачем-то оставила на подоконнике с утра.

Я скинула куртку, кроссовки и, не включая свет, по инерции прошла во двор. Как будто знала, куда и зачем иду. На улице уже стемнело, но не было ни холодно, ни жутко. Просто слишком пусто.

Вольер Троя стоял на своем месте. Чуть поскромнее, чем у сегодняшнего почти-волка, но вполне достойный: просторная зона с навесом, утепленная будка – та самая, которую мы с отцом собирали по выходным, когда Трой был еще щенком. Большим, упрямым, немного несуразным щенком, который вырос в того самого уверенного пса, которому я доверяла больше, чем большинству людей.

Сейчас в вольере было чисто, аккуратно, как будто собака просто ненадолго ушла и вот-вот вернется. Я невольно поискала глазами знакомый силуэт, хотя знала, что его нет. И уже никогда не будет.

Подошла ближе, отперла дверь и захлопнула ее за собой.

В будке по-прежнему оставался старый лежак, скатанный в ком, и плед, который я не решалась ни выбросить, ни постирать. Все пахло Троем, как будто он все еще спал здесь каждую ночь.

Я провела рукой по деревянной крыше будки, такой гладкой и немного потемневшей от времени. Это было наше с ним место для вечернего ритуала: я приходила, садилась на край, он ложился рядом, прижимал морду к моей ноге, а я чесала его за ухом и рассказывала, как прошел день.

– Ты бы этого волка, кстати, не одобрил, – пробормотала я. – У него подозрительный взгляд. И зубы слишком острые.

Тишина, как всегда, ничего не ответила. Только мягкий ветер пошевелил забор и сорвал с разросшейся вишни пару пожухлых листьев.

Я осталась стоять, глядя в темноту. Потом, сама не зная зачем, снова положила ладонь на крышу будки. Просто так, чтобы хоть ненадолго прислониться к ней. Почувствовать, будто Трой все еще рядом.

И тут что-то словно выбило воздух из легких. Пространство качнулось. Небо стало слишком черным, земля – слишком мягкой. И в тот момент, когда я поняла, что теряю равновесие, смогла только попытаться опереться второй рукой на край будки. Но не успела.

Мир ступсевался, как мокрая акварель. Все медленно отплыло в сторону. И тишина стала совсем другой, накрыв меня с головой.